

Мартовское утро не принесло с собой весеннего тепла. Седое невыспавшееся солнце отливало холодным блеском, а студёный ветер, пикирующий сверху на потрёпанную берёзовую рощу, обжигался о кусты взрывов, тут же становился горячим. Снег таял под подошвами сапог, превращаясь в чавкающую грязь, не успевая затвердеть на лёгком морозце.

Младший лейтенант Егоров ёжился в шатком блиндаже, когда простуженно чихнул телефон. Ефрейтор-связист натренированным движением моментально отреагировал, схватив трубку; небритое лицо его посерьёзнело:

– Товарищ младший лейтенант, вас комбат вызывает.

Грохот постепенно смолкал, противники нуждались в передышке, и опытный фронтовик понял, что за коротким отдыхом следует которое уже за день наступление – на последних нервах и жилах, то самое, решающее, в котором или-или...

Егоров видел, как измотались, осатадели солдаты. Четвёртые сутки наши войска никак не могли выбить эсэсовские части из-за пятиметровой насыпи, раскинувшейся вдоль небольшой венгерской речушки. Так бывает на войне: где-то не заладилось, не получилось сразу, с ходу и – застопорилось всё дело. А в спешке исправлять положение – только больше дров наломаешь.

Младший лейтенант поправил на боку планшет и отправился на командный пункт. По дороге он окинул взглядом поле боя и вспомнил письмо домой балагура и весельчака подразделения рядового Осипова, которое осталось недописанным на ящике в блиндаже: «...Всё нормально, мама, на душе весна и воевать осталось не так уж много. Только вот никак не могу закончить это письмо, фрицы настойчиво зовут меня к себе в гости. Ну да ладно, вот схожу ещё разок в атаку, побеседую с ними на нашем, русском, языке, вернусь и dokonчу...».

Стрельба почти утихла, когда Егоров добрался до КП. Комбат нервно жевал папиросу и о чём-то горячо спорил с замполитом. Заметив вошедшего Егорова, майор придавил в банке давно погасший окуроч, взглянул на часы и тяжело выдохнул:

– Что думаешь, комсорг, насчёт чёртовой насыпи?

Младший лейтенант растерялся. Распухшая от бессонницы голова плохо соображала, и он признался, что не готов к ответу.

Комбат неодобрительно цокнул и жестом пригласил Егорова к столу.

– Тогда давай рассуждать вместе. До насыпи почти два километра, впереди голое место, только неубранные кукурузные стебли... Да ты и сам всё прекрасно видел. Вот тут, заняв траншеи боевого охранения немцев, залегла четвёртая рота, наш, так

сказать, плацдарм. До них примерно километра полтора. Так вот. Пробрёшься к ним вот в этом месте, – майор ногтем оставил на карте жирный неровный след, – здесь мёртвое пространство, немцы с насыпи не достанут. Обрати внимание, четвёртая рота находится как раз на линии атаки. И если попробовать совершить стремительный рывок, можно с ходу ворваться на эту чёртову горку...

Комбат оторвался от карты и вцепился в Егорова покрасневшими от чрезмерного напряжения молящими глазами:

– Я тебе честно скажу, комсорг, на тебя вся надежда. Больше офицеров нет. А роту надо во что бы то ни стало поднять в атаку. Понимаешь – надо! Полчаса всего продержаться, чтобы батальон успел развернуться.

Замполит подошёл сбоку, легонько хлопал Егорова по руке. Сказал мягко, спокойно, не то что комбат:

– Вы должны понять, как важно это задание. Возможно, в четвёртой роте не осталось офицеров, и связи нет. Скажу честно, командование поставило нам жёсткие условия – занять позиции к вечеру. Если вам не удастся поднять роту, жертв будет намного больше...

Младший лейтенант козырнул и вышел. Приказ был понятен. Знать бы только, как его выполнить, как совершить то, что не удавалось за прошедшие три дня. Егоров сунул в карманы две гранаты, за пазуху – запасной автоматный диск. Эх, была не была!

Ловким движением он перемахнул через бруствер и пополз. Откуда-то с фланга тотчас подал голос пулемёт. Совсем рядом брызнул водой распоротый пулями набухший снег. «Если заметили, надо торопиться» – пронеслось в мозгу. И Егоров по всем правилам тактики короткими перебежками рванулся вперёд, к мёртвому (а значит – спасительному) пространству, куда не могла дотянуться смерть из фашистского пулемёта.

Ещё одна очередь заставила залечь. Стрелок, видать, был отменный, прямо-таки снайпер. Он уже успел продырявить Егорову шапку и срезать каблук на левом сапоге. Теперь каждое новое движение давалось младшему лейтенанту с трудом. Пулемётчик, похоже, вошёл в азарт и забавлялся, заставляя офицера падать в самую грязь и несколько минут лежать в холодной жиже.

Молодому офицеру однажды уже пришлось столкнуться с войсками СС, когда эти головорезы пытались рассечь линию фронта и опрокинуть в Дунай наши части, находящиеся между двумя озёрами Балатон и Веленце. По сорок-пятьдесят танков в день бросали немцы на позиции полка. Дрались гитлеровцы отрешённо, как фанатики. Запомнились на их руках злоеющие нашивки с именем фюрера. Сейчас за насыпью сидели такие же черти и упорно сдерживали продвижение стрелкового корпуса.

...Земля пахла пробуждающейся жизнью. На небольшом, рваном от осколков пригорке Егоров заметил малюсенький зелёный росток. Потянулся к нему обветренными губами. И тут же нестерпимая тоска по дому, по родной земле, по маме перехватила дыхание. Как всё-таки страшно и обидно умирать в конце войны, в этом месиве, да к тому же не выполнив задание, не узнав, чем закончится наше наступление.

А до кукурузных стеблей ещё довольно далеко. Егоров неимоверным усилием заставил себя собраться для очередного броска и, опережая пулемётчика, оторвался от земли. Вместе с наступающими его пулями младший лейтенант нырнул в неглубокую воронку, налетев на чьё-то тело. Свинец шлёпнулся рядом, обдал грязью. Отдышавшись, Егоров перевернул тело солдата на спину – Осипов! На бледном перекошенном лице, от переносицы до подбородка, застыла полоска снега. Млад-

ший лейтенант вспомнил незаконченное письмо, которое уже никогда не попадёт в руки матери, и ему, Егорову, как комсору батальона, если посчастливится остаться живым, придётся писать незнакомой женщине, что её сын «пал смертью храбрых» на далёкой венгерской земле. Погиб, не провоевав и полгода, не получив ни одной боевой награды.

Чуть сзади гулко ухнул взрыв, затем другой. Егоров продолжал ползти, экономя силы для последней пробежки. Пулемёт молчал, словно выжидая, когда младший лейтенант приподнимется, чтобы сбить его с ног на встречном движении.

Ветер колючими порывами студил разгорячённое лицо, капли пота тяжело скатывались по жёстким щекам, и пересохшая глотка хрипела от натуги; но Егоров уже верил, что доползёт, доберётся, перехитрит в последнем броске эсэсовского снайпера.

Его давно заметили автоматчики четвёртой роты, и какой-то солдат, то и дело поправляя на голове не по размеру подобранную каску, махал ему рукой:

– Сюда, товарищ лейтенант, сюда!

Сильные ловкие руки втащили его в траншею, заботливо стряхнули с бушлата грязь и снег.

– Где ротный? – спросил Егоров, с любопытством разглядывая мужественных пехотинцев, которым выпала нелёгкая доля быть первыми.

– Я здесь, – послышался голос командира роты лейтенанта Постникова. Он курил, прислонившись к осыпавшейся стене траншеи.

– Комбат приказал во что бы то ни стало поднять роту в атаку и завязать бой на насыпи, чтобы батальоны успели...

– Слушай, комса, пошёл-ка ты..., – грубо оборвал Егорова ротный. – Тоже мне, деятель выискался. На пальцах-то оно легко. А вот, поди ж, попробуй. У меня в роте осталось десять человек, ты – одиннадцатый.

С командного пункта в небо взлетела ракета.

– Ладно, ты не серчай на меня, – уже спокойно, после паузы сказал Постников, – сам видишь, в каких условиях воюем. А приказ... Что ж, приказ выполнять надо.

Он, как-то странно прищурившись, посмотрел на Егорова и совсем домашнему, по-обыденному просто спросил:

– Лет-то тебе сколько, младшой?

– Девятнадцатый, – Егоров смутился, тут же почувствовав себя мальчишкой среди этих рослых, задубевших от времени и стужи людей. Хотел было намекнуть лейтенанту, что не место, дескать, здесь, при подчинённых, такие разговоры заводить. Но Постников словно сам догадался, отдал распоряжение:

– Медведев, людей по местам, приготовиться.

Все разошлись.

– А на фронте с какого года? – Постников испытующе смотрел прямо в глаза, словно хотел влезть в душу, довериться, сказать что-то очень важное.

– С сорок третьего, с осени.

Ротный заскрипел зубами. Только теперь Егоров заметил, что лейтенант ранен в ногу и, судя по всему, серьёзно.

– С сорок третьего, значит, – тихо повторил ротный. Потом замолчал; тяжело дыша, стойко переносил очередной приступ боли. – А я, брат, с сорок первого, с начала.

Он вновь посмотрел на Егорова глубоко запавшими, бесцветными глазами, в которых не было ничего кроме неизбывной тоски и леденящего предчувствия чего-то страшного, непоправимого. Ротный ухватисто потянул Егорова за рукав, рывком привлёк к себе и зашептал на ухо быстро, скороговоркой:

– Мне, понимаешь, помирать никак нельзя, не имею я права детей на бесчестие обречь. Двое их у меня, младшень-

кая уже без меня родилась, в тылу, в июле сорок первого. Я ведь капитаном был. Ранен под Гомелем. Плен, два года лагерей, побег. Обо всём долго рассказывать. Ты ведь знаешь, что такое из плена вернуться... Штрафбат. Самое пекло. Закон один: чтобы искупить вину, надо или награду заработать, или ранение получить... Я трусом никогда не был (Егоров кивнул поспешно: конечно, знаю), везде лез на рожон, веришь, сам пулю искал. А она не брала. И до медали дело не доходило. Вот, до лейтенанта дослужился, роту дали, вроде бы поверили, вроде бы смысл позор... Но это всё слова, их к делу не подошьёшь. Понимаешь, как мне нужна хотя бы самая маленькая медаль, самая что ни на есть простенькая... – Постников откинулся на спину, крепко сомкнул дрожащие от слёз глаза, громко раздавил комок в горле. – Никому не плакался, комсорг, всю войну. А вот под конец не выдержал. Потому что вдруг страшно стало. Не за себя, нет. За наследников своих, за детей. Мне ведь теперь не выкарабкаться. В лучшем случае ноги лишусь. А в худшем – пулю в висок, когда эти сволочи попрут. И тогда всё – перемелют, перемешают землю вместе с косточками. Вместе с именем...

Егоров сидел на корточках возле теряющего силы лейтенанта, ощущал его горячее, большое дыхание и не мог заставить себя подняться, принять решение. Выручил ротный. Он приоткрыл глаза и перешёл к делу:

– Я подскажу тебе, пожалуй, единственный путь до насыпи. Через небольшую ложину, видишь, где домик маленький стоит. Там кустарник... Там все мои лучшие разведчики лежат... Сержант Медведев знает, вчера ночью они этот путь разведали. У самой насыпи, за домиком, немцы из пулемётов не возьмут. А там – все гранаты разом жажнете – и вперёд! Главное – пулемёты захватить. – Постников непослушными пальцами долго расстёгивал карман

гимнастёрки. Вытащил документы. Протянул Егорову: – Об одном прошу, мне ведь больше просить некого, если случайно, вдруг – я понимаю, что это нереально, и всё же! – если вдруг отыщется моя семья, расскажи обо мне всё, всю правду... Мне стыдиться нечего и некого... Вот только с медалью не повезло. Обидно!

Подошёл сержант Медведев:

– Товарищ лейтенант, все готовы.

– Коля, – глухо сказал ротный, – вас поведёт младший лейтенант, комсорг нашего батальона. Покажи ему дорогу, – и, переждав подкравшуюся боль, продолжил. – Это будет наша последняя атака сегодня. Если не залезем на насыпь, батальоны попадут под перекрёстный огонь. Коля, назад дороги нет, ты меня понимаешь?

– Так точно, товарищ лейтенант, – пробасил сержант Медведев. И добавил деловито: – Мы постараемся.

– Ну, с Богом, – ротный легонько оттолкнул Егорова и отвернулся. – Поспешайте, пока у фрицев обед.

– Вам охрану оставить? – пересохшими губами прошептал младший лейтенант, не зная, как проститься с Постниковым.

– Иди, иди, комсорг, – так и не поднимая глаз, ответил ротный, – тебе каждый человек пригодится. А у меня вот, пушка есть, – и он для убедительности потряс в руке пистолетом.

– Тогда до свидания, товарищ лейтенант.

– Прощай, комсорг. Живи долго.

Солдаты, один за другим, натренированно вылезали из траншеи и начинали осторожно пробираться к редкому кустарнику, за которым и была та единственная, нащупанная разведчиками тропа, ведущая к самому уязвимому месту немецкой обороны. Егоров не удержался, издали обернулся. Увидел только голову ротного, тот силился приподняться, чтобы в последний раз посмотреть на своих бойцов, благословить их на этот решающий жестокий штурм. Чтобы за-

тем сползти на дно траншеи и умереть с чистой совестью.

Медведев продвигался сноровисто и бесшумно. Егоров едва поспевал за ним. У ветхого сарайчика, служившего, по всей видимости, земледельцам укрытием от непогоды, младший лейтенант остановился, подождал, пока подтянутся остальные. Все молча вытащили гранаты. Секунду постояли, как бы собираясь с духом. И, наконец, Егоров решительно кивнул: «Пошли!».

Треснула от взрывов тишина, эхо атаки раскатилось по полю. Вслед за дымом и гарью на вражеском укреплении появились десять страшных в своём порыве, готовых к рукопашной солдат. Они навалились, смяли первое пулемётное гнездо, затем второе. Горячий осколок боднул младшего лейтенанта в плечо, но он не ощутил боли и не услышал громогласного «Ура!» наступающих цепей батальона.

...А когда враг был выбит с насыпи и обращён в бегство, когда молоденькая медсестра перевязала кровоточащую рану младшего лейтенанта, всё порывавшегося вслед за ушедшими вперёд подразделениями преследовать фашистов, появился комбат с командиром полка и, обняв растерянного Егорова, улыбнулся:

– Стройте роту, лейтенант, благодарить буду.

И то ли от обилия нахлынувших чувств, то ли от потери крови Егоров почувствовал, как у него закружилась голова, задрожали, ослабли ноги. Вцепившись в плечо медсестры, он крикнул срывающимся голосом:

– Рота лейтенанта Постникова, ко мне!

Пятеро бойцов приблизились к Егорову, попытались построиться в шеренгу на неровной, изгрызенной металлом высотке – весь личный состав четвёртой роты.

Командир полка оглядел каждого, рывком снял фуражку и слегка наклонил голову:

– Спасибо вам, солдаты. За стойкость, за мужество ваше... – И через плечо адъютанту: – Всех представить к ордену Красного Знамени.

Полковник уже отошёл на добрый десяток шагов, когда Егоров спохватился, рванулся за ним следом, не удержался – упал:

– Товарищ полковник, а как же Постников?.. Постникова не забудьте... Это ведь он прорыв начал... Ему никак нельзя без медали...

– Не забудем, лейтенант, – обернулся командир полка, – никого не забудем, не волнуйтесь.

Подбежала медсестра, помогла Егорову подняться, повела в медсанбат. А Егоров непонимающе крутил головой, не слыша и не видя никого, всё время повторял:

– Ротного не забудьте, ему без медали никак нельзя. Не забудьте, товарищ полковник.

Бойцы успели подхватить его, потерявшего сознание, понесли в тыл.

Через полчаса шальная мина накрыла «виллис», в котором ехал командир полка со своим адъютантом. Полковник, рассказывали, до этого прошёл всю войну без единой царапины.